

---

Б.Т. Удодов

## Герой в системе образов романа «Княжна Мери»

Система образов в «Княжне Мери» глубоко продумана и уравновешена. В первых же записях Печорина от 11 и 13 мая мы узнаем о Грушницком и Мери, о Вере и Вернере. Сразу намечен круг основных персонажей, дана их полная экспозиция. По одну сторону от Печорина — Грушницкий и Мери, в отношениях с которыми раскрывается в основном внешняя сторона его жизни. По другую сторону — Вернер и Вера, из отношений с которыми мы узнаем о подлинном Печорине, лучшей части его души.

Грушницкий — один из наиболее реалистически объективированных образов. В нем отображен тип романтика не по внутреннему своему складу, а по следованию за модой<sup>1</sup>. Это тот вид романтизма, который нравится «романтическим провинциалкам до безумия», который только «драпируется» в романтические «необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания». Его замкнутость на самом себе подчеркнута органической неспособностью к подлинному духовному общению, к «неформальному» диалогу:

«Он не отвечает на ваши возражения, он вас не слушает. Только что вы остановитесь, он начинает длинную тираду, по-видимому, имеющую какую-то связь с тем, что вы сказали, но которая в самом деле есть только продолжение его собственной речи».

Иной тип представляет Вернер. Он из разряда «странных людей». «Характерно, что обычному трафаретному светскому “обществу” он предпочитает “странных людей”. Единственным своим приятелем он избрал доктора Вернера, который, подобно Печорину, поражает “странным сплетением противоположных наклонностей”» (Е. Михайлова).

Вернер — человек, по мнению Печорина, «замечательный по многим причинам». И дальше Печорин дает развернутую характеристику человека, в котором писатель запечатлел тип русского интеллигента, скорее всего разночинца, материалиста и демократа по своим убеждениям, человека богатой и сложной душевной жизни, сотканного, как и Печорин, из противоречий — в облике, внешних проявлениях и внутренних качествах. Вынужденный жить и служить в привилегированной среде, он внутренне близок к простым людям. Он насмешлив и нередко исподтишка насмехается над своими богатыми и сановными пациентами, но Печорин видел, как «он плакал над умирающим солдатом». От его злых эпиграмм не один из самодовольных и сытых «добряков» прослыл «пошлым дураком». В то же время все «истинно порядочные люди, служившие на Кавказе», были его приятелями. И в них современники угадывали ссыльных декабристов. Подчеркивая внешнюю неказистость Вернера, Печорин особо выделял в его «неправильных чертах отпечаток души испытанной и высокой».

Грушницкий и Вернер — это две порознь существующие в жизни ипостаси характера Печорина. Первый — утрированное отражение чисто внешних печоринских черт, второй воспроизводит немало из его внутренних качеств. В этом смысле Грушницкий и Вернер представляют полную противоположность друг другу. Внешняя красота и эффектность Грушницкого контрастируют с непривлекательной наружностью Вернера. Уродливо себялюбивой душе Грушницкого противостоит обаяние «красоты душевной» Вернера: в душе первого «ни на грош поэзии», другой — «поэт на деле», Грушницкий —

---

<sup>1</sup> Характерно, что «современница» Печорина, героиня повести В. Одоевского «Княжна Зизи» (1839), произносит знаменательные слова: «Я знаю, теперь в моде у молодых людей играть роль страдальцев, твердить об увядшей молодости, о потерянных надеждах; вы не можете себе представить, как все это смешно».

ограниченный эгоист, Вернер способен на подлинно гуманные чувства и т. д. Между тем простая арифметическая сумма качеств одного и другого не может дать характера, подобного Печорину. Он намного сложнее и значительнее их, вместе взятых, хотя порою и «впадает в Грушницкого» и действительно близок к Вернеру. Главное, и Грушницкий, и Вернер неспособны к активному вторжению в действительность. Первый потому, что «занимался целую жизнь одним собою» и «не знает людей и их слабых струн». Второй, напротив, «изучил все живые струны сердца человеческого», но также не умел «воспользоваться своим знанием» — для этого ему не хватало последовательности и действительной решимости. Для Печорина знание «живых струн» человеческих, как и «идеи» вообще, — это прежде всего «страсти», которые требуют жизненного воплощения, формы, «и эта форма есть действие».

В княжне Мери и Вере Лермонтова интересует прежде всего преломление различного отношения Печорина к любви как сильнейшему человеческому чувству. Его отношения с Мери — доведенная до своего крайнего и по-печорински последовательного выражения светская «наука страсти нежной», утонченная и жестокая игра в любовь, поединок, в котором побеждает наименее поддающийся искренним порывам человеческого сердца. Здесь сказывается вся мера светской испорченности Печорина, хотя тут же проявляется и другая, более глубокая сторона его личности — способность искренне увлекаться малейшими проблесками в человеке красоты внутренней, душевной. Вспомним его не раз обращенные к себе вопросы:

«Уж не влюбился ли я в самом деле?»; «Неужто я влюблен? Я так глупо создан, что этого можно от меня ожидать».

Мери — светская девушка, не лишенная духовных запросов, настроенная несколько романтически. В ее романтизме много наивно-незрелого и внешнего. Однако есть в этом романтизме и положительное зерно — стремление к иной, более содержательной жизни. Особую многозначительность приобретает фраза Вернера о московских барышнях, которые, презрев пустое кокетничанье, «пустились в ученость». Мери «знает алгебру», читает по-английски Байрона. Несмотря на обычный для Вернера налет иронии, в этих словах получили отражение существенные жизненные процессы, которым суждено было развиваться, как и многому из намеченного в романе.

Жертвой прихоти Печорина становится не бездушная кокетка, а существо юное, с порывами к идеальному не только в книжно-романтическом смысле; именно поэтому Мери вызывает такое сочувствие читателя. Пожалуй, наиболее вероятно, что Мери, не появившись на ее жизненном пути Печорин, благополучно пережила бы свой поэтический возраст и скорее всего превратилась бы в заурядную светскую даму. Своеобразную двойственную сущность образа Мери отмечал Белинский: «В ее направлении есть нечто общее с Грушницким, хотя она и несравненно выше его». Однако встреча с Печориным, заставив ее многое испытать, перечувствовать и передумать, вероятнее всего, наложит свой неизгладимый отпечаток, видимо, на всю ее последующую жизнь.

Образ Веры в какой-то мере проливает свет на возможные варианты судьбы Мери. В юности Вера, очевидно, прошла тот же душевный «искус» приобщения ее Печориным к миру дотоле неведомых духовно-нравственных ценностей и критериев, несовместимых с условной и во многом искусственной светской жизнью и моралью. Возможно, и Вера надеялась поначалу на семейное счастье с Печориным. Печорин же с его беспокойным характером, непрерывным поиском достойной жизненной цели, «назначенья высокого» меньше всего был склонен к уединению на островке семейного благополучия посреди моря всеобщей неустроенности существующего общества. Эту позицию своих современников типа Печорина хорошо выразил Герцен: «Люди, основывающие все благо своей жизни на семейной жизни, ставят дом на песке... дом этот, как дома на дачах, прекрасны только на время хорошей погоды», ибо «любовь — один момент, а не вся жизнь челове-

ка». Поэтому Печорин и в первую встречу с Верой мог сказать себе, отвечая на вопрос, что помешало ему вступить на этот путь, где его «ожидали тихие радости и спокойствие душевное»:

«Нет! Я бы не ужился с этой долею! Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига: его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце...»

В последнюю встречу с Печориным Вера по-прежнему, как и в юности, несчастна, однако это свое глубоко скрываемое ото всех несчастье она уже неспособна променять на чисто внешнее благополучие и бутафорское счастье большинства женщин своего круга. И это так же возвышает ее над ними, как Печорина — над большинством его «благополучных» современников. В прощальном письме Веры Печорину одним из лейтмотивов звучит мысль о его душевной неустроенности, о его несчастье, природу которого она одна поняла своим любящим сердцем:

«Но ты был несчастлив, и я пожертвовала собою...», «никто не умеет лучше пользоваться своими преимуществами — и никто не может быть так истинно несчастлив, как ты...»

Романтическая основа образа Мери в значительной мере реалистически уравновешивается психологически мотивированным изображением постепенного зарождения и развития в ее душе чувства любви. Этого нельзя сказать о Vere. Изнутри она остается нераскрытой. Ее всепоглощающая любовь к Печорину дана в готовом виде, возникновение и развитие этой любви можно только гадательно предполагать (что и было в данном случае сделано). Это наименее объективированный, лирического плана образ, представляющий собой как бы синтез образов Бэлы с ее естественностью и страстностью и Мери с ее утонченностью и сложной умственно-душевной организацией. Несмотря на некоторое сознательное снижение образа в отдельных его чертах, он остался в целом лирико-романтическим.

В образе Веры, по словам Белинского, «особенно отразилась субъективность взгляда автора». Но и он лишен какой-либо романтической ходульности и выпренности и поэтому не выпадает из общего жизненно достоверного повествования о судьбе такого «странного человека», как Печорин.

«Водяное общество» дано Лермонтовым в духе будущих «физиологических» описаний, суммарно, в наиболее характерных социально-психологических приметах, фиксирующих не столько индивидуальные особенности характеров-типов, сколько подробности нравов и быта. Реалистическая тенденция, используемая Лермонтовым в целях создания жизненного фона для показа крупным планом немногих персонажей, перекликается с романтическим принципом изображения исключительных, избранных личностей, противопоставляемых обществу, рисуемому обобщенно-суммарно. Однако и в этом случае наличие выразительных жизненных деталей и конкретных индивидуальных характеристик придает изображаемым персонажам и типам реалистическую убедительность.

В целом повесть «Княжна Мери» с ее развернутым психологическим анализом, отсутствием экзотики, обычностью для дворянско-светской среды ситуаций, многогранностью большинства образов-характеров является наиболее последовательно реалистичной среди других глав романа, хотя и здесь, как мы видели, немало от сплава романтизма и реализма.